

АНАТОЛИЙ ГРЕШНЕВИКОВ

ВЕЧНЫЙ ПОИСК КРАЕВЕДА

*Главы из документальной повести о Владимире Гречухине**

*Где у нас портреты предков? Под
переплётками альбомов. А ведь когда-
то они висели на стенах наших домов
и безмолвно говорили с нами...*

Владимир Гречухин

Краевед Владимир Александрович Гречухин прославил свой город Мышкин на всю Россию.

А началось всё просто – с обыкновенной мальчишеской мечты. Еще в ранние школьные годы Гречухиным овладела идея создать в городе такой краеведческий музей, о котором узнала бы вся страна, восхитилась, ибо ему равных не было бы, и этот музей принес бы городу заслуженную славу.

Кто тогда мог бы поверить школьнику, что через двадцать лет он действительно организует этнографический музей под открытым небом, и не только его – но и Музей мыши, единственный в мире, соберет образцы уникальной старинной техники для музея техники и неповторимую коллекцию древних русских прялок, ставшую по значимости третьей в России.

О работе этих музеев стало известно во многих уголках нашей страны и даже за ее пределами.

Мечта осуществилась. Но не сама по себе. Для того, чтобы она воплотилась в жизнь, Владимиру Гречухину потребовалось немало сил и энергии.

Правда, сам он считает, что у истоков исполнения мечты стоял не столько его труд, сколько две главные причины – врожденное счастье и жалость. Они-то и побудили его посвятить жизнь краеведению.

С детства Володя Гречухин относился к устаревшим вещам и к древним фактам, как к старым людям. Ему их было жалко. “У меня к ним почтение, – признавался Гречухин журналистам. – Мне хочется определить их куда-то на сохранение”.

А где диковинные, потрепанные временем вещи могут найти свой последний достойный приют?! Конечно же, в краеведческом музее!

ГРЕШНЕВИКОВ Анатолий Николаевич, политик и писатель, родился в 1956 году на Алтае. В 1982 году окончил Ленинградский государственный университет им. Жданова по специальности “журналистика”. Работал журналистом, избирался народным депутатом Ярославского областного Совета. В 1990–1993 гг. – народный депутат РСФСР, член Верховного Совета. Избирался депутатом Государственной Думы пяти созывов. Член Союза писателей России.

* Публикуется в сокращении.

Первые же встречи Гречухина с миром вещей подвигли его к собиранию предметов крестьянского и купеческого быта, к сохранению их. Но ещё до возникновения тяги к собирательству в душе Владимира уже жила любовь... Без любви к истории своей родины, без врождённого чувства красоты невозможны никакие дела.

Чувство красоты малой родины пришло к нему от прадеда. Тот всегда интересовался русской историей, поражал своими познаниями односельчан. Поскольку у мышкинского крестьянина источников для работы не было и книжек исторических не хватало, он пытался понять историю по религиозным книгам, стремился в них найти ответ и объяснение тем или иным событиям. Конечно, настольной книгой была Библия.

Иногда с прадедом на этой почве случались конфузы. Начитавшись книг, задумавшись о прочитанном, он невзначай брал на дворе у сарая лестницу, шел к окошку дома и лез по этой лестнице в дом, забыв о двери... "Родимый, ты куда?", — спрашивали домочадцы. "Ой, задумался, отвлекся", — отвечал он. Он настолько уходил в книжку, что забывал о насущном крестьянском деле. Такой был прадед, странный.

Эта странность — всепоглощающий интерес к русской истории — перешел от прадеда к Владимиру Гречухину.

Ещё мальчиком он мог часами сидеть на окошках закрытой церкви и смотреть внутрь помещения. Сюда он приходил и после разгрома храма. Его тянуло туда, в таинственное пространство.

Мать смутилась, узнав про необычное увлечение шестилетнего сына: "Слушай, Володенька, ты у меня верующим станешь!.." Он не знал, что означает слово "верующий".

— Мне просто интересно, мам, — признался он.

— Да чего там интересного? — удивленно продолжала разговор мать. — Церковь и церковь. Понимаешь, просто церковь. Люди молятся Богу. Ну, люди отстальные, которые считают, что есть Боженька, что есть чудеса!

Сын тогда не думал о Боге. Но там, в храме, за решетками и стеклами, приютились таинственные старые вещи... Одно воспоминание о них вызывало вздох восторга.

Подобную радость от встречи с предметами старины Владимир испытал в день похода к бабушке. У матери Александры Ивановны, работающей учительницей, был тогда выходной день, и она взяла сына с собой. Не успели они придти в деревню, как Владимир тут же полез на чердак. Его манили туда неизведанные тайны...

Ожидания не подвели. Чердак бабушки оказался щедрым на крестьянские реликвии. Больше всего Владимира поразило то, что он нашел там несколько совершенно незнакомых вещей. Ему тогда, в свои семь лет, казалось, что он всё знает в окружающем его мире. А тут вдруг на глаза попался необычный предмет деревенского быта — светец четырехрогулишный. Сколько книг прочитал, сколько чердаков выпотрошил, а такой вещицы не встречал. Рядом под слоем вековой пыли лежали печные изразцы, плетеные корзинки с поломанными ручками, чугуны, коромысло, стул со сломанной ногой, утюг и прочее отслужившее в крестьянском доме добро. Всё знакомо. Всё, кроме старого тяжелого светца. Он явно пришёл из другого мира. Длинный штырь. Основательная платформа. Четыре рогульки...

Спотыкаясь о крутые ступеньки, Владимир быстро спустился вниз и, показывая бабушке найденный предмет, спросил удивленно:

— Бабушка, а что это такое?

— Светец, — спокойным голосом ответила ему хозяйка дома.

— Светец! — торжественно повторил внук магическое слово. — Светец!

...Той далекой бабушкиной деревни Кожино уже нет в живых. Разбежались крестьяне. Покинули дома, а бревна, захворав от одиночества, от проливных дождей и бесхозности, сгнили. Погибла деревня. А память о ней у Гречухина осталась светлой и продолжительной.

После путешествия по бабушкиному чердаку у Владимира, как и после сидения на подоконнике закрытой церкви, окончательно созрело стремление посвятить свою жизнь музейному делу, краеведению. Последующие жизненные ситуации лишь укрепили его мечту.

Учителем в тот период для него был он сам. И книги, и походы, и встречи, и находки — всё он организовывал самостоятельно. Настоящий учитель

появился у него достаточно поздно – лет в шестнадцать. Гречухин жил в то время уже в Мышкине. Мать перебралась сюда ради его будущего.

Жизнь в верхневолжском провинциальном городе, конечно, не могла для него протекать тихо и скучно... Он писал историю Мышкина. Собирал факты, записывал их на бумагу, а потом, чтобы летопись походила на старую, сшивал узкие листы бумаги, скатывал их в свиток... Всё делалось под старину. Книга получилась смешной. Юный краевед описал те простенькие истории, которые довелось увидеть, о которых узнал от стариков, отметил факты, вычитанные в библиотеке... И все-таки это была его первая собранная и написанная история – история небольшого полюбившегося ему города.

В те годы в Мышкине жили истинные любители родной старины. Один из них особенно интересовал Гречухина... Александр Константинович Салтыков – старый учитель, добрый, отзывчивый и в то же время немного застенчивый. Подойти к нему, как и к другим педагогам, Владимир боялся. Вернее, стеснялся и смущался. Его мучили вопросы: “С чем я к нему подойду, с какими интересными и полезными фактами истории, и кто я такой перед ним, великим краеведом?!”

Знакомству помог случай. Однажды мать пришла домой из магазина, отстояв там долгое время в очереди. Устало сказала: “Володенька, Александр Константинович Салтыков просит тебя к нему зайти”. Ученик восьмого класса растерялся: “Как, сам Александр Константинович позвал? Да как же я с ним общаться буду?!”

Владимир тщательно готовился к встрече. Оделся как можно лучше. Мысленно представил, как придет, поздоровается... Отрепетировал всё это несколько раз и пошел. Где живет учитель, он знал.

То был не дом, а некий замок краеведа. Дом на верхнем бульваре, старинный, огромный. Весь резной – от крыши до завалинки. На самом приметном переднем месте впечатляюще красивыми и тяжеленными, как иконные оклады, выглядели наличники. На двери – бронзовая табличка с надписью: “Томпсон с зятем”. Удивительная табличка. Томпсон – это ведь кораблестроитель!

Гречухин, оставив позади скрипучую калитку, прошёл несколько робких шагов. Дворик весь зарос травой. Она росла низко-низко и тянулась вдоль тропочки, мощенной камнем. Рядом внушительные неподвижные стволы лип. Он зачем-то сосчитал их. В саду росло шесть лип, царящих вокруг, как огромные колонны. В зеленой глубине сада виднелся покосившийся сарай. Живописное место, напоминающее картины Поленова и Левитана. Кругом сказочно красиво. Но тут в глубине сада проремькнула фигура. Владимир едва разглядел в зарослях пожилого учителя.

Учитель работал на грядках. Почувствовав, что к нему пришли, он повернулся и улыбнулся. Старый. Синеглазый. Добродушный. “Здравствуйте, Александр Константинович!” – выпалил Владимир, и тут ему почему-то стало легко-легко. “Здравствуй, Володенька!” – просто, как доброму знакомому, ответил учитель.

Встреча оказалась судьбоносной. Это было обретение друга – взрослого, умного и доброго. Его опыт и знания пригодились Гречухину на всю жизнь. И хотя старый краевед оказался очень наивным, верящим каждому слову, каждой легенде, каждой былине, каждому толкованию, каждому воспоминанию, он всё же многому научил неофита.

Спустя время Гречухин поймет, что подобное поведение учителя было целесообразно, потому что народная этимология – это народная память, это своеобразная дисциплина, научная, в конце-то концов, и к ней надо подходить серьезно. Для сохранения надо брать всё... Каждая древняя вещь станет предметом исследования. Каждое событие в жизни, любые достижения тружеников села и города станут впоследствии историческими. Выходит, чтобы в истории не было белых пятен, следует собирать всё. И не гнушаться рассказами старожил.

Вышел молодой краевед от учителя совершенно счастливым. Утвердившийся в жизни, в выборе цели... У Владимира появилась уверенность: он делает то, что надо. Салтыков всю жизнь был для Гречухина и прекрасным учителем, и другом. Много краеведов жило в городе, а Салтыков оказался самым надежным. Именно он поддержал в юноше мечту о музее и тягу к истории малой родины, а главное – понял, что в нём с детских лет жила ненасытная жажда к тому, чем полнится душа человеческая.

Так как творческое становление учителя выпало на трудное время – двадцатые годы прошлого века, то у него вышла всего лишь одна книга. Он издал её в Ярославле. Тоненькая, она называлась строго – “Рассказы старожил о прошлом Мышкинского уезда”. Тираж крохотный – чуть ли не пятьдесят экземпляров всего. Еще у него вышли две серьезные публикации в тогдашних ярославских журналах. В советское время в областном центре выходило несколько толстых журналов, посвящённых краеведению, что сейчас и представить невозможно. Правда, издания эти были очень сухие. В них был перекос в сторону геологии, поиска полезных ископаемых, использования реки Волги, реки Юхоть. В то время больше смотрели на то, как знания по краеведению можно было обратить на пользу народному хозяйству.

Гречухин тоже осознавал, что будущее краеведения зиждется на труде. Можно написать книгу о Мышкине, и она прославит город. Но этого мало... Нужно создать музей о Мышкине, и тогда он большую пользу принесет городу и его людям.

Запомнился Владимиру рассказ учителя о строительстве Рейнского собора. Когда он воздвигался, к мастерам подошел человек, пишущий городские летописи, и стал усиленно их расспрашивать: что, мол, они тут делают? Первый мастер зло отругал и прогнал летописца: “Иди отсюда, не мешай работать!”. Второй сказал: “Да вот – месим раствор, таскаем кирпичи...”. И только один из всех строителей-каменщиков с должным достоинством сказал: “Собор строим!”.

Эту поучительную историю Гречухин любил пересказывать... А Салтыков и без этой истории чувствовал родство душ строителя собора и начинающего краеведа. В Гречухине просматривался тот редкий случай, когда человек действительно знает, что делает, и кладет кирпичи одновременно! Это крайне важно для краеведения, потому что оно не должно нести на себе бремя собирать исторические сведения, и только! Настоящему современному краеведу обязательно нужно выдать “продукт”, который будет определять городскую политику. Возможно, даже станет городской финансовой базой. Это максимум, который нужен краеведению. В Гречухине жила именно эта идеология. Салтыков хорошо угадал ее. Он повторял: “Этот, пожалуй, будет что-то делать, а не только собирать и переписывать старые сведения!..”

Каждый раз Салтыков старался передать ученику свои знания – до мельчайших подробностей. Однажды шли они долиной реки Радиловки. Место болотистое. Сыро кругом. Около одной бочажины Салтыков остановил Гречухина, закончил очередной рассказ-воспоминание, сорвал растение, потер его пальцами и сказал: “Володя, слышишь, это валерьяна. Вот она такая!”. Прошли несколько метров, учитель снова залюбовался очередным растением: “Подожди, Володя, подожди. Это же калган. Калган!”. Гречухин внимательно смотрел на растение и кивал головой. Вышли к маленькому бугорку на берегу реки. И тут Салтыков сказал, зачем они сюда так долго и трудно шли: “Вот могила беспаспортного бродяги, умершего здесь в девятнадцатом веке...”

Гречухин испытующе глянул на учителя: откуда, мол, тут могло возникнуть захоронение, как он о нем узнал? И Салтыков рассказал то, что слышал от других:

– Шёл он неизвестно откуда. Занемог. Умер. Похоронили здесь. Не опетый. На кладбище таких хоронить было нельзя. Тут его и похоронили, Володенька. Понимаешь, какая-то судьба здесь прервалась, какая-то несчастливая, а может, даже поэтическая, может, даже красивая. Скиталец какой-нибудь по Руси. Много тогда по ней, матушке, очарованных странников ходило... Понимаешь, Володя это очень трогательно. Хоть раз в сто лет, но его вспомнить надо.

Из года в год старый краевед передавал молодому своё наследство. И ещё учил его упорно работать.

Первый музей в жизни Гречухина появился, когда он учился в девятом классе. Вначале музей располагался под кроватью ученика, затем перебрался на крыльцо, а уж потом захватил почти весь дом. Любая старая вещь, найденная им, тут же перекочевывала в дом. Потому там всё было завалено книгами, утюгами, лаптями, подсвечниками, весами, монетами. А домик у Гречухиных был крохотный. Точнее, это и не дом был вовсе, а всего лишь полдома. Заваленные и забитые углы вызывали у матери смех. Она очень любила сына и не ругала его, а смеялась, увидев сына с очередной ношей, всякий раз

по-доброму. Иной раз сама чего-нибудь приносила. . . Высмотрит у знакомой старушки потрепанную церковную книгу и несет её домой.

– Володенька, я тебе книжку старинную принесла, погляди! – говорила сыну с порога.

– Ой, мама, какой ты у меня молодец! – радовался Владимир и материнской заботе, и редкому подарку.

– Ну, чего делать, если ты у меня такой человек?! – весело разводила руками мать. – Тебе это занятие нравится – я и помогаю.

По-другому мать и не могла поступить. Она была сельской учительницей, при этом всё время гордо говорила сыну: “Я крестьянка!”. Владимир не очень понимал, почему она подчеркивала свою полукрестьянскую принадлежность, но радовался тому, что мать у него – добрейшая и умнейшая женщина.

Создание школьного музея для Владимира Гречухина было не самой светлой страницей его краеведческой деятельности. Школа в Мышкине считалась современной, хорошей. Слава о ней шла чуть ли не по всей стране. Хвалили её на каждом областном совещании. . . В школе трудилась известный педагог Нина Александровна Никифорова. Она умела уловить, какое время наступало в стране, чего власть требует от школы, какое направление обучения и воспитания придать школьному процессу. И как только в системе образования заговорили о новом веянии – о намерении заставить школы заниматься политехнизацией, она тут же повела свою школу в данном направлении. В рамках нового курса школьники начали выращивать кукурузу, цыплят, поросят, лошадей. В городе появились свои школьные фермы. Директор добилась приобретения для учебного заведения тракторов, комбайнов, плугов и прочей сельскохозяйственной техники. Ребята научились водить машины, пахать на тракторах землю.

Учился этому и Гречухин. Он был тогда в школе избран комсоргом. Такой странный комсорг-краевед, думающий о старинных вещах и музейном деле, а вынужденный заниматься выращиванием овощей и поросят.

И вдруг в разгар политехнизации в системе образования появились иные направления и тенденции, поваяло другой модой – созданием в школах краеведческих музеев. Нина Александровна это уловила и однажды подошла к Владимиру Гречухину:

– Ты занимаешься краеведением?

– Да, Нина Александровна, занимаюсь, – ответил Владимир.

– Почему ты не помогаешь школе делать музей? – спросила директор его сурово.

– А кто бы знал, что его делают? – смело заметил Владимир.

– Клавдия Михайловна, учительница, делает музей. Найди её и помоги. . .

Гречухин догадался, что это новая мода прилетела в школу, но на предложение помочь в создании музея откликнулся охотно. Дело было стоящее, интересное. Ему доверяли, на него надеялись. А приобретение опыта создания музея пригодится в будущем, когда он станет организовывать в городе свой главный музей.

Владимир нашел Клавдию Михайловну и в первый же день встречи с ней подарил для школьного музея много интересных крестьянских предметов, отдал даже свою великолепную коллекцию монет, которую собирал долгие годы со своим другом Володей Дулиным. В то время жители города легко отказывались от ненужного хлама и отдавали мальчишкам потускневшие деньги-медяшки. Коллекция Гречухина оказалась внушительной. Он дарил её без жалости, ибо полагал, что она улучшит экспозицию нового музея, придаст ему большую значимость и позволит педагогам начать серьезную краеведческую работу. Мечта о музее могла воплотиться частично уже здесь и сейчас. Но он ошибся. мода – не серьезное дело, это даже не увлечение, а всего-навсего поветрие. Сегодня музей нужен, а завтра о нём забыли. Учительница собрала диковинные вещи прошлых лет, открыла музей, отчиталась о проделанной работе, и. . . закрыла его на замок. И школьники, и Гречухин-комсорг поняли, что она больше не хочет работать в этом направлении.

Юные краеведы попытались сами заняться поисковой работой, сбором редких экспонатов, изучением истории города, но преподаватель и тут оказалась начеку – она просто-напросто не дала им работать. То ли не доверяла ребятам, то ли переживала, что они разбазарят коллекцию. А самой было не-

когда... Про музей скоро все забыли. Прошло время – и его растащили, выселили из помещения.

Школьные годы незаметно пролетали. Наступал период выбора профессии. Гречухин не знал, чем ему заняться в будущем. Нет, конечно, он хотел посвятить жизнь краеведению. Но такой профессии, как краевед, не было. Это любовь, а не профессия.

Учеба в школе вот-вот закончится, пора определяться, а он все не мог сказать, куда пойдет учиться дальше. Идти по стопам родителей не хотелось. Отец, погибший на войне, был учителем. Мать – тоже. Но педагогическое поприще его не привлекало. Владимир переживал: ну почему в стране не готовят краеведов?.. Он жаждет создавать музей, собирать по русским землям интересные старые вещи, записывать фольклор, восполнять забытые страницы истории. Но краеведом, видимо, ему не суждено стать.

– Кем ты будешь работать, Володюшка? – осторожно спрашивала мать.

– Кто его знает?! – отмахивался от расспросов сын.

Прозвенел последний звонок – и Гречухин... ушел в археологическую экспедицию. Ушел с мыслью, что там он поближе будет к своему увлечению, там он приобретет нужные навыки для становления краеведа и необходимый опыт для создания в Мышкине настоящего большого музея.

* * *

Все лето Гречухин проработал землекопом.

В археологической экспедиции он искал дорогу для осуществления своей главной мечты – стать краеведом. И днем, и ночью мысли о занятии любимым делом не покидали его. Владимир полагал, что археология – это та наука, которая ближе всего к краеведению, благодаря ей он приобретёт нужный багаж знаний и приблизится к мечте.

Наступал новый день, и Гречухин с радостью уходил на задание. Рядом всегда был прекрасный человек, большой ученый, начальник экспедиции Дмитрий Александрович Крайнов. Он очень любил свое дело. И эту любовь, приверженность делу, конечно же, видели и особо ценили члены экспедиции. Они знали, что работают у великолепного археолога, имя которого почиталось среди крупных ученых.

Гречухин видел в Крайнове замечательного знатока Верхневолжья. Он с удовольствием работал у него ординарцем. Тянулся к нему, слушал, записывал его наблюдения. Он искренне радовался тому, что вместе с экспедицией объездил всю область. Но еще большее счастье испытывал оттого, что узнавал от Крайнова много интересного про его родной верхневолжский край.

Нравился ученый-археолог Гречухину и просто как человек. Тот интересен был сам по себе. Высокий. Худой. Внешностью напоминающий Дон Кихота. Владимир не раз про себя называл его именно так – Дон Кихот. Отличался Крайнов ещё и гулким, как из бочки, голосом. Коллеги часто видели его на раскопках. Он ходил по краю раскопа и громко пел:

*И свежий запах скошенной поляны,
И эхо дальше девичьих голосов...*

Дмитрий Александрович увлекательно рассказывал про археологию... Может быть, потому, что искренне любил свою профессию, а может быть, хотел заразить молодых ребят, таких, как Гречухин, археологией. Но даже такая яркая личность, как Крайнов, не могла перевоспитать увлеченного своей идеей Гречухина, отнять у него дорогую мечту и подарить новую. Никто не мог тогда переубедить молодого краеведа... И когда однажды в беседе с ученым у Владимира зашел разговор о будущем, то он честно признался, что не собирается связывать свою судьбу с археологией. Крайнов, за три летних месяца общения полюбивший мышкинского парня, потративший на беседы с ним уйму времени и полагавший, что тот точно пойдет учиться на археолога, возмутился:

– Как же так?! Подумай... Ты легко поступишь на археолога. Я тебя отвезу в институт. Ты сделаешь себе имя.

– Нет, я увольняюсь. Я убедился за это время, что археология – не мое. Для меня это узко, – честно признался Гречухин.

– Даже увольняешься?

– Увольняюсь.

– Уходи. Не хочу с тобой говорить.

Суровость, горячность не были, по большому счету, присущи мудрому ученому. Но он слишком большие надежды возлагал на молодого волжанина. Ему хотелось выпестовать хорошего ученого, потому как у того были замечательные задатки. И следует отдать должное Крайнову: ему удавалось “выращивать” молодых специалистов. В составе той экспедиции работал, например, еще один способный парень, студент Андрей Никитин. Маститый археолог опекал его с утра до вечера. И тому по сердцу были раскопки... Он пошел по пути Крайнова. И стал потом заметным ученым. Более того, написал несколько популярных книжек, таких, как “Распахнутая земля”, “Голубой дорогой веков”. Замечательные, поучительные работы. Никитин явно стремился преуспеть в науке. И Гречухин видел, понимал, ощущал, что у его сверстника это получится, он искренен в своем выборе, он заметнее других отличается на раскопках, любит выбранную профессию.

А вот для самого Владимира археология оказалась делом чужим. Мечталось о большем – об экспедициях по деревням и рекам и, наконец, о самом сокровенном – об открытии собственного музея.

Перед уходом из экспедиции Гречухин зашел к начальнику:

– Дмитрий Александрович, я увольняюсь.

– Знаю, что увольняешься, – процедил тот сквозь зубы.

– Прощаться вот пришел, – выдавил из себя Владимир.

– Да! – тяжело вздохнул Крайнов. – Ну и куда пойдешь?

– Да, наверное, в учителя.

– Да разве учителей не хватает в России?! Разве их мало?!

– Не знаю, много или мало. У меня отец и мать были учителями. А потом мне это более-менее знакомо.

– Ну, а очень-то хочется?

– Нет.

– Ну и дурачок. Убедишься, что это не твое... Что тогда?!

– Может, – кивнул головой Владимир. – Поступать буду в Угличское педагогическое училище. Не уверен, что поступлю, но буду...

– Тоже мне нашел университет! А ты хоть готовился к поступлению?

– Нет. Когда готовиться-то?! Я у вас все лето работал.

– Ладно, поехали вместе. Завтра мы как раз в ту сторону едем.

Утром они выехали в Углич. И надо же было такому случиться, что, добравшись до плотины через реку Волгу, они увидели идущего по мосту директора педагогического училища Тихона Фомича Захарцева. Крайнов, оказывается, хорошо того знал. Остановились.

– Тихон, стой! – окликнул директора Крайнов. – Я тебе студента привез.

– Парня? – переспросил Захарцев и внимательно поглядел на молодого человека.

– Да.

– Ради Бога. У меня одни девки учатся. Парня возьму!

Через несколько дней Гречухин приехал в Углич поступать в училище. Хорошо сдал экзамены и был зачислен. Помощь директора не понадобилась. Уже после вступительных испытаний его встретил Захарцев и, улыбнувшись, сказал, что если бы он не сдал экзамены, его все равно бы зачислили и заставили учиться.

В первые месяцы в педагогическом училище после суматошной школьной жизни ему было скучно. Все чаще вспоминалась работа в колхозе, когда по программе политехнизации учащиеся переобучались в рабочую форму и выезжали на фермы и в поля. Крестьянская работа сделала из слабеньких учеников закаленных, крепких мужиков. Но постепенно Владимир втянулся в учебу и вскоре понял, что среднее образование в те годы в России было поставлено очень хорошо. Он был очень признателен училищу – именно благодаря ему он знал, как войти в класс, как взять журнал, как поздороваться с ребятами, как провести урок. Молодой педагог получил полный набор навыков, психологических уроков, примеров для выстраивания линии поведения с учащимися в разных ситуациях.

Особенно оживился Гречухин, когда узнал, что в училище неплохо поставлена краеведческая работа. Оказывается, здесь не только знают, что такое краеведение, но и придают ему важное значение. Даже свой музей есть. Правда, он не пришелся Гречухину по сердцу, критиковал он его за бесконечные стенды и фотографии, которые занимали все стены, за отсутствие других экспонатов, предметов, книг, вещей. Преподаватели соглашались с замечаниями студента, но ничего не исправляли.

Постоянные выступления Гречухина на занятиях, “круглых столах” и конференциях сделали его фигурой заметной. И преподаватели, и учащиеся знали об увлечении Владимира краеведением, ценили это, поддерживали.

Проявил Гречухин живой интерес и к городскому архиву. Что более всего интересовало его в архиве? Безусловно, жизнь родного города Мышкина во всех её проявлениях. Он не пропускал ни одного факта, не откладывал в сторону ни одну бумажку. Всеядность, чрезмерная дотошность – эти качества стали с той поры для него самыми главными. Архив был проштудирован от первой полки до последней. Всякий свободный час проводил там. За два года он изучил фактически и весь фонд городской Думы... А это тысячи и тысячи протоколов, решений, заключений, запросов, писем. Затем подробно проштудировал другие фонды, такие, как “Магистрат”, “Дворянский фонд”.

Сотрудники архива оказывали Гречухину всяческую помощь. Одержимость, увлеченность студента не могли не понравиться им. Они ему безгранично доверяли, разрешали искать и ворошить любые папки с бумагами. А когда тот не находил подтверждения каким-то фактам, сами включались в поиск.

Еще больше Владимиру хотелось в то время увидеть историю своими глазами, потрогать руками крестьянские амбары, старообрядческие книги, побывать в запустевших храмах и поговорить со старожилами малонаселенных деревень.

И как только наступило лето, Гречухин собрался в путь.

– Займусь-ка я, мама, краеведением! – сказал он перед дорогой матери о своем намерении летом не деньги зарабатывать на разгрузке барж, а отправиться на поиски памятников и прочих примет истории.

И он с рюкзаком за плечами отправился по тропкам и дорожкам мышкинского края.

Раньше ему удавалось вырваться на экскурсию по изучению истории деревень и сел, но то были кратковременные походы. А тут – целое лето...

Владимир любил мать за умение понять его. В районе их считали несчастными людьми. Почему несчастными? Прежде всего потому, что и мать, и сын не имели постоянной работы. Мать была учительницей в резерве района – выезжала в ту школу, где нужно было заменить заболевшего преподавателя, на месяц, на два, на три. Они довольно долго странствовали по району, не имея своего угла. А что за жизнь без домашнего очага? Кто-то из мышкинцев сочувствовал им, кто-то переживал, подсказывал, как поправить ситуацию...

Да, им было тяжело, однако то время позволило Владимиру лучше узнать район. Теперь он стремился изучить его с точки зрения краеведения.

За одно лето побывать в каждом селе и добраться до самых дальних деревенских углов, конечно, не удалось. Пришлось и второе лето посвятить путешествиям.

Это было время первооткрытий. Сельская глубинка хранила еще много старины. Век был новый, советский, а стариков, помнящих иную, дореволюционную жизнь, традиции, песни, можно было встретить ещё немало. Церкви стояли не разграбленными. Помещичьи дома завораживали. Житницы, риги, амбары напоминали о существовании далекого русского крестьянского лада. Образы старого мира то и дело возникали перед краеведом. Он тогда вобрал в себя дух далеких пращуров.

Странствования по мышкинскому Верхневолжью оправдали себя. Он добился поставленной цели – увидеть старый мир. Владимир наблюдал его, изучал, восхищался им. Без этих странствий и открытий он не представлял будущего, к которому надо было не только стремиться, но и серьезным образом готовиться. Без обретения краеведческого опыта не было бы движения к созданию музея.

Юношеский максимализм и горячность подхлестывали его, заставляли увеличить число походов, расширить маршруты поисковой деятельности.

Владимир тащил из экспедиций вещь за вещью, экспонат за экспонатом. Порой он напоминал верблюда, навьюченного, перевязанного, сгорбившегося под тяжестью ноши. Иной раз неделями не возвращался из творческой командировки. Мать уже начинала беспокоиться: жив ли? не случилось ли с ним чего плохого?.. Но местные жители доносили весть: жив, бродит по лугам, таскает котомки, записывает что-то в блокнот. А потом появлялся и он сам. Редко, но случалось, что из похода Владимир возвращался уже через день: находил здоровенный самовар или получал в подарок ткацкий станок, вот и тащил их домой. Не будешь же бродить по деревням с тяжелым грузом!

Для начинающего краеведа впечатления служили лекарством. Они воспитывали в нём поэтическое начало... И, пройдя эту школу накопления впечатлений, Гречухин научился улавливать в церковных фресках мотив – древний или не очень, в речи человека – редкое слово и характерное для той или иной местности наречие. Впечатления превращались в нужные знания.

После летних экспедиций трудно было возвращаться на учебу в училище. Гречухин тяжело входил в учебный процесс. Однако как только втягивался, так сразу находил применение своим знаниям, тут же продолжал искать материал для будущего музея. Кроме архива, теперь постоянным нашествием краеведа подверглась и библиотека училища.

За время учебы Гречухин умудрился изучить книги всех российских историков. Библиотека в училище оказалась очень хорошая. В ней имелись старые издания – от Посошкова до Костомарова. Были в наличии книги всех известных и малоизвестных историков. Правда, читал их один Гречухин.

Устойчивое доверие вызывал Карамзин. Его труды Владимир два раза перечитывал. В результате именно Карамзин научил его размышлять над частными фактами с точки зрения общих законов бытия. Навыки рассуждения превратились у краеведа в способность суждения... С помощью Карамзина Владимир смог разъяснить себе многие факты, понять, как нужно рисовать в воображении картины истории, чтобы стать русским, чтобы полюбить Отечество. Полюбить уже не интуитивно, а и умом.

Учеба в училище закончилась. Гречухина по распределению направили работать в родной Мышкинский район – в село Костюрино, за Волгу. В местной школе он преподавал в первом и втором классах.

В тот период жизни в Гречухине зародилась глубочайшая обида за место, где он жил. Стоило ему придти в магазин за новыми книгами, и он всякий раз обнаруживал одну и ту же картину: на прилавке много литературы о малых ярославских городах, но ни одной книги – о Мышкине. Как же так: писатели пишут о Ярославле, Рыбинске, Ростове, Переславле, Угличе, но совершенно не издают книг и брошюр о Мышкине? И чем чаще Владимир заглядывал в магазин и интересовался, что нового выпустило ярославское издательство “Верхняя Волга”, тем горше становилось: историческими, культурно-ценными местами признавались все те же города. Получалось так, что кроме них других городов в области и нет. Куда исчезли Данилов, Любим, Тутаев, Пошехонье? О них – ни слова... Как и о Мышкине. Сплошное белое пятно.

Как придать неизвестному городу известность?! Дело, казалось, за малым – за открытием в городе музея. Будет музей – значит, будет открыт путь для прославления города. Надо начинать его создавать... Однако подошло время служить в армии.

Призыв в армию Гречухина не пугал. К тому же он начал осознавать, что педагогическая стезя – не его поприще, что после службы он вряд ли вернется в школу. Пусть у него, как у учителя, всё получалось, старшие коллеги его хвалили, и он подавал определенные надежды, душа к этой работе не лежала. Что-то в ней узко, как в археологии, и даже келейно. Ему нужен был другой размах.

Поздней осенью он ушел в армию. Попал в суровое место – в Вятский край. Там, на севере Кировской области, ближе к Котласу, разворачивалась ракетная часть. Солдатам приходилось строить здания, рубить лес, нести боевое дежурство. Месяцами не вылезали из нарядов.

В это пустое, необустроенное место и прибыл Гречухин. С первых же дней окунулся в работу... Но службу в армии он не ругал. Наоборот, был ей благодарен за многое в своей судьбе... Армия нравилась ему как раз своей суровостью. То, что было холодно, тяжело, грубо, иной раз невыносимо тяжело – это он воспринимал нормально, ибо этого хотел. Он жаждал себя испытать.

Хорошо запомнилось первое построение. Их собрали на поляне. Плац еще не был построен. Кругом тайга. Деревья только недавно вырубил... Старшина Шпилевой крикнул на всю вселенную:

– Каменщики есть?

– Есть! – раздался чей-то голос.

– Шаг вперед... Печники есть?... Шаг вперед.

Вместе с Гречухиным в строю стоял земляк. Он как раз имел специальность печника, потому сразу и вышел. Нужными оказались и другие солдаты. Когда переключка закончилась, оказалось, что в шеренге остался один Гречухин. Старшина подошел к нему.

– Не учитель ли ты? – спросил строго.

– Так точно, товарищ старшина, – отозвался Гречухин.

– Тьфу, – фыркнул старшина. – И попался же учитель!

Шпилевой оказался человеком умным и душевным, и у мышкинского учителя сложились с ним хорошие отношения. Старшина сыграл в его жизни большую роль. В краеведении он мало что смыслил, но как только Гречухин взялся за изучение вятской земли, он его первым и понял, и поддержал.

Лучшая форма краеведческой работы – выход в поле, на изыскания. Но что в тайге искать, с кем там общаться? Кругом на десятки верст снесенные опустевшие деревни. При размещении ракетной дивизии высокопоставленные чиновники отовсюду выселили народ, увезли его отсюда, а на обжитом месте заставили солдат копать шахты, ставить ракеты. Эти брошенные деревни и вызвали у Гречухина интерес. Их было так много, что он мечтал увидеть их все, пройти по ним, понять, чем жил здешний народ, как работал, какие песни пел... О вятских мастерах шла добрая слава. Но хотелось самому посмотреть на дома, бытовые постройки, мебель, берестяные туеса, прялки. Маршруты неизведанные, краеведами неисхоженные. Они так и манят. Так и рвутся ноги походить по красивым былинным местам.

Одна надежда – получить увольнение. Но какие могут быть увольнения в этой тайге? Где тут можно отдохнуть?

И вот Гречухин идет на риск, просит старшину:

– Товарищ старшина, разрешите идти в увольнение?

– К медведю в гости, что ли? – удивленно переспросил тот.

– Нет.

– А куда ты собрался, рядовой Гречухин?

– Изучать Вятский край.

– Как же ты будешь его изучать?

– Я хотел бы посмотреть избы, постройки, этнографические связи проследить...

Старшина долго размышляет, чешет затылок. Бойится подвоха, провокации. Однако учитель давно проявил себя знатоком истории, все в части знают про его увлечение краеведением. Так что вроде и не должен подвести...

К разговору неожиданно подключается командир взвода, сержант Куценко. Высокий белорус. Добрый. Понимающий.

– Этнографические связи нужно уважать, товарищ старшина, – сказал он.

Старшина надел фуражку, проверил, правильно ли она нахлобучена, и с едва заметной улыбкой подписал увольнительную. Вся часть хохотала. Один человек уходил в увольнение. Куда уходил – никто не знал. Дверь воинской части открылась, выпустила солдата, и он растворился в тайге...

Ходил Гречухин по тамошним деревням с утра до глубокой ночи. Когда старшина привык к его субботним походам, уверовал в их необходимость и безопасность, то стал позволять краеведу в военной форме возвращаться позднее. И Гречухин неторопливо ходил по опустевшим деревням, рисовал и замерял огромные дома, считал, описывал. Расспросить бы какого-нибудь плотника, зачем он свесил с крыши дома, как сережки, узорчатые доски, почему вместо того, чтобы украсить резьбой наличники, он украсил ею крыльцо, из какого дерева вырезан гребень крыши? Да нет плотника рядом, по пустынным улицам гуляет один ветер. Приходится разгадывать многовековые тайны плотницкого искусства самому.

По качеству работы, по характеристике построек он догадался, что большинство вятских мастеров заимствовали секреты у новгородцев. Становилось ясно, что здесь, в строительстве, сказалось влияние Новгорода. И этот опустевший участок земли является ярким примером чудесно сохранившегося эт-

нографического реликта. Его следует запечатлеть, уберечь для потомков. Он обмеряет высоту крыльца и толщину бревен, зарисовывает столбы ворот и ка-литок, делает чертеж корпуса постройки и формы крыши. Владимира поража-ет особенность сохранившегося народного быта. Внутреннее убранство дома подчеркивает, что на Вятке жили потомки новгородцев. Но встречались и сов-сем редкие, ни на какие стили не похожие, крестьянские поделки, туески, ко-ванные изделия... Приходится сожалеть, что нет с собой фотоаппарата.

Как-то раз Гречухин заблудился.

Отправился он в село Великорецкое, которое уже не раз посещал. Там старожилы устраивали хоровод "Столба", прославивший их на всю страну. Для них — это традиция, праздник, доставшийся от предков. Для краеведа — прекрасная возможность увидеть всё своими глазами, заметить детали, на-писать статью о фольклоре. Шёл он с опаской... Недавно в округе солдаты-южане, призванные из кавказских республик, устроили драку... Они часто безобразничали. Население после таких выходов стало относиться к солдатам плохо. Зародилась месть. Пошли драки. Стрельба. В той войне появились и убитые... (Кстати, все эти эпизоды страшных, кровавых взаимоотношений солдат и местных жителей Гречухин внимательно изучил и написал по горячим следам книгу "Мужские разговоры". Правда, этот труд о неизвестных страни-цах армейских будней, конечно же, никто не напечатал.).

...Идти после таких событий в село было опасно. Стоило солдату по-явиться на улице, как на него сразу ложилось подозрение: не сделал бы ка-кой гадости. Как его встретят? А встретили — нормально. Вышел мужик из крайнего дома и спросил:

— Тебе чего, солдатик?

— Посмотреть праздник престольный пришел, — робко произнес Гречухин.

— Ну, посмотри! — согласился мужик, весело прищурив один глаз. —

А потом заходи ко мне.

— Зачем? — взволнованно переспросил Владимир.

— Да заходи, — махнул сельчанин рукой и без всяких формальностей объ-яснил, что праздники следует немножко отметить...

Никогда больше в жизни Гречухин не видел такого красивого хоровода, как "Столба". Он долго присутствовал на нем. Досидел до последней минуты. По-рой вскакивал и принимал участие в танце, потом снова наблюдал со стороны. Много расспрашивал старушек о костюмах, движениях, фигурах, песнях. Ин-тересовался, как повлияло время и модные течения на традицию, изменились ли движения, слова, интонации. Старушки смеялись и охотно делились воспо-минаниями, рассказывали, как и почему такая фигура исполняется, почему этакая. Увесистый блокнот быстро заполнился. В конце мероприятия Гречухин вспомнил про приглашение и зашел в гости... Мужик поставил ему кувшин браги, вынес пирог. Они засиделись до вечера. А когда Гречухин понял, что опаздывает на отбой, сельчанин отправил его в воинскую часть самой прямой дорогой. Но Владимир не рассчитал — и заблудился. Переплывая в одном ме-сте реку, он утопил ремень и пилотку.

Заявившись к старшине с опозданием, до нитки мокрый и не по форме одетый, Гречухин тут же схлопотал выговор.

— Рядовой Гречухин, три наряда вне очереди, — гремел на всю казарму командный голос. — Приступайте сейчас.

— Есть, товарищ старшина, — ответил он, круто повернувшись.

— Стоять!

Гречухин замер.

— Кругом! Слушай команду. Вот тебе ремень плохонький, вот бэушная пилотка. А теперь спать.

— А наряды? — недоуменно спросил солдат.

— Потом отработаешь.

Владимир в который раз понял, что такой человек и есть настоящий вос-питатель для солдат. Он действительно как отец... И главное, не запретил ему заниматься вятской этнографией, музейным делом.

До конца службы Гречухин остался верен себе, краеведению, поискам, бытописанию. Даже успел перед демобилизацией принять участие в Велико-рецком крестном ходе — прошел его весь от начала до конца. Впечатлений и открытий было так много, что он описал его восхитительно и трогательно. Из-под горячего пера вышел замечательный очерк, но его нигде было печатать.

Спустя время Владимир прочитал о том же Великорецком ходе рассказ прекрасного вятского писателя Владимира Крупина и узнал в нём те же места, село Горохово, родник... При встрече признался автору, что рассказ написан сильнее, хотя впечатления у обоих от хода были очень похожие.

Так как после службы Гречухин уезжал на комсомольскую стройку, его отпустили на месяц раньше.

– Владимир, ты бы и так раньше ушел, в школу, – недоумевал старшина. – Ты же учитель! Зачем тебе этот комсомольский набор? Откажись. Мы тебя раньше отпустим.

– Не надо. Я поеду на комсомольскую стройку. Надо себя испытать. Да и строительные навыки закрепить.

Провожали его всем батальоном. Владимир и не знал, что к нему так хорошо здесь относились. Перед строем речь держал старый замполит, прошедший войну майор. Он сказал: “Если учителя будут такие, как Гречухин, за детей и за страну можно не переживать”.

Перед посадкой в вагон поезда замполит заметил, что Гречухин уезжает домой в изношенном одеянии. Он и не знал, что учитель из Мышкина никогда ничего не брал у молодых солдат, домой уходил в своей драной шинели, в жеваном ремне, который ему дал старшина после неудачного возвращения из увольнения. Замполит скомондовал: “Принять меры!”. “Какие еще ко мне меры?” – испугался демобилизованный. И тут к Гречухину подошли двое солдат, надели на него новую пилотку, ремень... “А шинельку не трогайте, парни, она моя – я в ней три года отслужил!” – успел выпалить он. “Ну, ладно”, – махнул рукой замполит.

Слёзы полились из глаз Гречухина, когда поезд тронулся с места и поехал, оставляя позади друзей, старшину, майора и прекрасный былинный Вятский край.

– Чего плачешь, солдатик? – спросила его проводница.

– На гражданку еду.

– Так и радуйся.

– Нет, – тяжело вздохнул Гречухин. – Там сердце осталось.

Он армию полюбил. Тосковал. А впереди его ждали город Ярославль и комсомольская стройка, которую он выбрал по газете.

Ошибки в том выборе – из веера возможностей – не было никакой. Советская держава строилась, мужала, набирала силы, с уверенностью смотрела в будущее. Кто бы мог тогда знать, что всё это будет сломано предательской рукой... .

В ярославский строительный трест “Ярхимпромстрой” прибыли пять комсомольцев, один из них – Гречухин. Единственный, кто отслужил армию. Бригада, где он работал, принимала участие в строительстве шиноремонтного завода, “Химмаша”, вибраторного завода “Красный маяк”. Возводила магазины, общежитие в Брагино.

Комсомольская путевка вербовала молодых ребят на один год. Терять это время только на стройке Гречухин не собирался: надо было продолжить сбор материалов и документов о Мышкине. Воспользовавшись тем, что местом жительства стал крупный культурный центр Верхневолжья, он тут же проторил дорожки в областную библиотеку и в архив. Именно в этих учреждениях его можно было найти в свободные от работы часы. День – в библиотеке, день – в архиве. А потом он приноровился зарабатывать отгулы. Тяжело было, но армейская закалка помогла.

– Володя, тебе не трудно урывками работать? – спросила его заведующая книгохранилищем.

– Трудно, – признался Гречухин.

– А ты можешь работать вечером или ночью?

– Конечно, могу.

– Тогда оставайся и на ночь. Потом ключи от книгохранилища сдашь сторожу.

Владимир приходил в библиотеку со стройки с тяжелой сумкой, в которой всегда лежали одни и те же вещи – бесчисленное количество бумаги, ручки, карандаши, точилка, блокноты, а также бутылка кефира и батон хлеба. Ночью у него обычно разгорался аппетит... . Общение с книгами длилось до двенадцати, а то и до двух часов ночи. Находиться здесь, среди могучего книжного мира, было для него наслаждением. Он мог обращаться к любой книге в лю-

бое время. Мог брать что угодно на полках – от потрепанных журналов до старых альманахов. Однако он не только обогащал свои знания, напивался своим чувством, ум и сердце... Владимир усилленно искал мышкинские книги, мышкинскую Опочининскую библиотеку.

Именно здесь ему пришла мысль отыскать и собрать вывезенные из Мышкина книжные сокровища, которые находились в Опочининской библиотеке.

И он их за полгода выявил!

Тот драгоценный, богатый фонд, который был вывезен из Мышкина в Ярославль, оказался не утраченным, не уничтоженным. А первым мышкинцем, увидевшим его, притронувшимся к нему, был краевед Владимир Гречухин. Он его и вытащил на свет, скомплектовал, переписал, изучил.

О своих находках – мышкинских книгах, вывезенных в Ярославль, – Владимир сделал в библиотеке научный доклад. После доклада к нему подошел директор библиотеки, бывший офицер.

– Чего тебе еще полгода трудиться на стройке, иди работать к нам! – предложил он.

– У меня образования нет, – признался Гречухин.

– Ты же педагог, Владимир Александрович. Эта профессия близка нам. Давай всерьез поговорим. Нам как раз нужен библиограф по редким книгам...

– Нет, я вернусь в Мышкин, – подвел черту под беседой Гречухин. – И буду делать музей, о котором я вам говорил...

– Самоуверенность! – воскликнул директор. – В маленьком райцентре у тебя может ничего не получиться. Тебя никто не поддержит, понимаешь! Это не надо ни райкому партии, ни райисполкому. Соображаешь?!

– Нет, – с горячностью вступил в спор Гречухин. – Это всем надо.

– Наивный человек. Ну, смотри... Надумаешь, приходи.

– Да я прихожу, я все время у вас вечером.

– Я знаю...

Весь год Владимир готовил себя к созданию музея. В общезжитии возникло много проблем, да и сама работа на стройке не располагала к самообразованию, но он усердно двигался к цели. Никто и ничто не могло помешать ему. Мышкинский подвижник шел намеченной дорогой...

Срок комсомольской путевки истек. Гречухин собрал чемодан, еще хранивший следы армейской жизни, и отправился в Мышкин. Теперь он умеет многое и на многое способен. Не только в училище и армии, но и в библиотеке и архиве так подковался, что готов идти в бой – создавать на родине краеведческий музей.

* * *

Создавать музей должны каменщики. Так думал Гречухин. И устроился работать на стройку. Тяжелый ручной труд тяготил краеведа. Усталость отнимала время у поисков. Но главное неудобство заключалось в другом: в том, что работа была разъездной. Три месяца в одном колхозе строили, пять – в другом.

Гречухин обследовал все окружающие деревни и, естественно, всякий раз приносил что-нибудь для музея. Либо керамику, либо деревянные игрушки, либо кованные изделия. Он собрал очень много сведений о крестьянских местах. Вставал рано. Каждое утро, с рассветом, до начала работы на стройке успевал дойти до какой-нибудь деревни, поговорить там с пастухами, порасспрашивать бабушек о том, чем раньше славилась их округа. Если не успеет беседу закончить, договорится о её продолжении вечером. И только работа закончится, ещё руки от кирпичей нюют, и спина едва разогнулась, а он спешит доузнать у старожилов легенды и рассказы. На каждый вопрос получал ответ, каждый ответ записывал в тетрадь.

В Мышкинском районе всё меньше оставалось сел и деревень, которые бы не посетил и не изучил Владимир Гречухин.

На стройке он отработал год. Душа по-прежнему жаждала знаний. Ощущение, что начального педагогического образования недостаточно, подтолкнуло его к мысли поступить в институт. И, несмотря на то, что заработки на стройке небогатые, а из родителей только мать и “садиться ей на шею” было нельзя, он всё равно решает ехать в Ярославль учиться. Только выбрал в этих условиях не очную, а заочную форму обучения.

Экзаменов он особо не боялся. Теоретически был хорошо подготовлен. Переживал за единственный предмет – сочинение. На нём-то он и споткнулся. Получил тройку. И тут уж ничего не поделаешь, надо домой уезжать. Шёл он, опечаленный, по коридору, а навстречу ему председатель экзаменационной комиссии Николай Иванович Резвый. Увидел знакомого краеведа, остановился. Его он запомнил по выступлениям на краеведческих конференциях, в библиотеке, да и в самом институте... Тогда Гречухин уже и в институте наведывался с небольшими докладами по топонимике. Резвый спросил:

– Ты, Володя, к нам поступаешь, что ли?

– Да, – тяжело вздохнул Гречухин.

– И каков результат?

– Не повезло.

– Не может быть. Подожди.

– А чего ждать? Поеду работать.

– Останься, – попросил Резвый.

Председатель экзаменационной комиссии всегда поддерживал творческих молодых ребят, тем более приехавших из сельской глубинки.

Николай Иванович учинил преподавателям скандал. Обвинил их, что они просмотрели талантливого парня, который приехал со стройки. Рабочий человек, тянется к знаниям, мыслит, по истории доклады пишет... И, подумав, ошибки в сочинении сделал! Да разве в ошибках дело? Это преподаватели ошибку совершают, когда не замечают творческую личность. Взял ведомость в руки и на глазах у всех поставил Гречухину за сочинение пятёрку. При этом сказал, чтобы никто не посмел опротестовать его решение.

Так как по всем другим предметам у мышкинского краеведа стояли отличные оценки, то через несколько дней он стал студентом Ярославского педагогического института имени К. Д. Ушинского.

Но пора настала и приступать к осуществлению главной мечты жизни – созданию музея. Гречухин уже зримо представлял, каким он должен быть, какие в нем откроются отделы, о чем следует говорить с первыми посетителями. Чтобы долго не тянуть, он обратился в райисполком с идеей: городу нужен музей. Правда, тогда Мышкин еще не был городом, он был населенным пунктом Мышкино. Буква “о” страшно не нравилась краеведу. Кто придумал приставить к названию старого уездного городка эту ненужную букву, он еще не знал, но готов был побороться за её удаление. Только не представлял, с чего следует начинать. Зато понимал другое: в райисполкоме обсудят его предложение открыть музей и постараются забыть, потому нужно начать хождение по мукам. Чиновники на то и чиновники, чтобы ходить к ним сотню раз и напоминать о своем предложении.

Председатель райисполкома Тихомиров пригласил Владимира на собеседование. Его, как бывшего учителя, наверняка заинтересовала неожиданная идея. Знать историю родного края – дело нужное. Где подрастающему поколению почерпнуть эти знания? В музее... А его и нет.

Тихомиров внимательно выслушал взъерошенного, взволнованного, с горящими глазами краеведа. И без всяких наводящих и пустых вопросов, без возражений и критических замечаний, спросил:

– А осилите?

– Осилим, – смело выпалил Гречухин, ожидавший иного разговора.

– Тогда ладно, дадим какую-нибудь комнатенку.

Комната оказалась маленькой, неудобной, выходящей двумя окнами во двор. Тёмный двор угнетал, но другого варианта у краеведа могло и не быть. Пусть это будет началом, первым музейным очагом!

Он продолжал работать на стройке, а в выходные приходил в комнату музея. Для начала практической краеведческой работы нужно было время, и главное – нужны были люди. Где найти в городе молодых помощников, единомышленников, как их привлечь к музейной работе?... Дни и ночи уходили на размышления.

В то время Гречухин открыл для себя новый вид творчества – сочинение заметок в местную газету “Волжские зори”. Писать доводилось разные краеведческие материалы. Их почти все печатали.

Редактор Виктор Иванович Воронов приметил молодого внештатного корреспондента. И в один из дней пригласил его к себе на собеседование. Своей прямоотой и честностью он напоминал Гречухину преподавателя института

Резвого. Оба были коммунистами до мозга костей. И, как считал Гречухин, они украшали жизнь своей честностью. Без таких людей нарушился бы порядок в стране, и общество перестало бы развиваться, двигаться вперед. Воронов часто хворал. И Гречухин почувствовал это с первого разговора.

— Володя, ты не хотел бы у нас поработать? — сразил редактор неожиданным предложением.

— Да я писать-то не умею, — недоуменно ответил он.

— Во-первых, умеешь немножко. Я вижу. У тебя есть понимание, как писать... А во-вторых, научись.

— Виктор Иванович, да просто стыдно даже как-то, парень со стройки — и в газете...

— Слушай, мне работать не с кем в газете. Приходи.

— А если не получится?!

— Приходи, получится, — сурово скомандовал Воронов. — Вот заладил: не получится, не получится...

Гречухин откликнулся на просьбу редактора. Первое время у него плохо получалось. Страх появлялся не только перед первым словом и предложением, но и перед чистым листом бумаги. Он боялся писать... Потом вдруг легко прорезались слова, и всё пошло складно...

Работал он так. Уезжал в командировку. Бродил день-другой, к примеру, по селу Богородскому. Собрал материал для газеты, да не самым ценным он вышел... Пошёл в другое село. А там узнал, что интересные краеведческие сведения есть в ином месте. Направился уже туда. Так и сбился с намеченного маршрута. Редактор знал об этом, но ни слова не говорил в осуждение. Их отношения строились на доверии.

Много добра принес Воронов новому корреспонденту. И Гречухин платил ему за это чистой монетой — сдавал в редакционный портфель огромное количество интересных материалов. Крал на стол редактора в два-три раза больше статей и зарисовок, чем требовалось. У него даже принцип такой выработался: обязательно перевыполнять план с тем, чтобы выкроить время на командировки по лесным крестьянским углам. Редактор был доволен трудолюбивым сотрудником. И не мешал ему заниматься краеведением.

В тишине музейной комнаты пришла к Гречухину идея: организовать на базе музея мальчишескую республику. Ставку надо делать на мальчишек. Тут-то и пригодились ему опыт работы комсоргом, армейская выучка. Многому научила и комсомольская стройка. Он хорошо понимал, что организация неофициальная оказывается жизнеспособнее, чем официальная. В комсомольской группе было заметно, что она держалась за старшего по возрасту Гречухина, а не он за неё. Это была микрокоманда — цепкая, стойкая. Значит, и музейное сообщество, республику молодых ребят надо создавать по такому же типу. Эти люди, пока не отягощенные семьей, не утратившие совесть души, доброты и иллюзий, станут лучшей армией для создания музея.

Решил Гречухин навестить пожилого учителя географии Владимира Ивановича Новосёлова, прибегнуть к его опыту привлечь мальчишек, вызывать у них интерес к общению и изучению старых предметов. Тот давно вышел на пенсию. Они любили побеседовать о краеведении... Гречухин испытывал уважение к учителю, привившему ему в школе любовь к путешествиям.

Дом Владимира Ивановича находился на улице Мологской. Был он дряхлый, длинный, как вагон, осевший в землю, с огромным садом позади.

Хозяин встретил Гречухина, как всегда, приветливо, предложил почаявничать.

— У меня другое дело к вам, — сказал Владимир, отказавшись от застолья. — Начал я музей делать, нужна ваша помощь.

— Слушай, что же тебе дать? — учитель сразу понял суть дела. — Ружье у меня есть старинное. На чердаке лежит. Полезай, поищи.

Пришлось лезть на чердак. Там темновато, пыльно. Среди рваной обуви и сломанных стульев отыскал ружье. Спустился по лестнице вниз, а учитель вновь хлопчет, заботится:

— Нашел! Ну бери его себе. Что бы тебе еще предложить? Как найду что, обязательно тебе отдам.

Слово своё учитель сдержал. Подарил музею много интересных вещей.

Вытащил Гречухин ружье на улицу. Сердце радостно билось. Гречухин вертел подарок в руках и не мог налюбоваться. Побрел с ружьем по мышкинским центральным улицам. Полдня погулял.

На другой день в качестве сюрприза и демонстрационного предмета была уже сабля – самое настоящее холодное оружие начала XIX века. Её он выпросил в местном техникуме, где она служила в художественной самодеятельности атрибутом для военных сцен. Затем в ход пошла небольшая старинная пушка. Её он таскал на плече.

Самым последним экспонатом на показ была выставлена коллекция монет. Она не меньше ружья и пушки разжигала в мальчишках живой интерес. “Царские” монеты Владимир принес прямо в гуцу уличной компании. Ребята окружили краеведа, стали рассматривать темноватые пятаки, задавать вопросы... Воспользовавшись разговором и любопытством, находчивый краевед поинтересовался, а не собирает ли кто подобные вещи, не лежат ли старые денюжки у кого дома? Тут и про музей свой обмолвился. Есть, мол, у него такое учреждение, где старые вещи становятся экспонатами, и ему нужны помощники, чтобы собирать их, чтобы ходить в экспедиции, а потом организовать вокруг музейного дела армию единомышленников.

Рассказ о музее взбудоражил ребят. В глазах заблестел огонек. Ручеек талантливых ребят незаметно потянулся к дому Гречухина. С каждым днем он набирал силу и превращался в бурлящую речку. Мальчишки активно включились в процесс сбора старых вещей. Несли краеведу всё подряд, любое ненужное барахло, каждый выброшенный на чердак предмет быта. Зачастую никакой исторической ценности подарки эти не представляли, и выставлять их экспонатами в музее можно было только от бедности и отсутствия других. Бывшему педагогу нельзя было и подавать вида, что ребята делают напрасную работу, а уж тем более критиковать их. Он складывал на крыльце и в сенях все находки. Там хранились и его ранние поисковые предметы старины.

Идея создания музея обрела активных сторонников. Наступил миг, когда Гречухин понял, что собрал удивительно работоспособную и творческую армию краеведов. Он полюбил их так, что жить без них не мог. И они без него тоже.

А вскоре на двери появилась фанерка, на которой красовались слова: “Народный музей”.

Музей открылся. И посетители не заставили себя ждать. Взрослые горожане осмотрели экспозиции, поблагодарили ребят за работу и энтузиазм. Никто не смеялся, не высказал упреков по поводу крайней бедности музея, все понимали: это начало, и скудность – дело поправимое.

Открытие музея позволило юным краеведам приступить к научно-исследовательской работе. Теперь мало было найти утюг или берестяной туесок, нужно было изучить биографию предметов, найти в них изюминку, особую значимость, составить о них справку. Учились ребята и проводить экскурсии, и писать о своих находках в местную газету.

В редакции газеты “Волжские зори” отношение к краеведам было трепетное.

Редактор не гневался, когда Владимир Гречухин стал подолгу пропадать в музее, напротив, однажды доброжелательно произнес: “Тебе надо помогать! Заведи постоянную рубрику в газете о своем музее, пусть люди о нём знают!”.

Как только в районке замигал информационный маячок, музей стал обретать известность.

Другим маяком, важным и основным на тот период, стала для музея стенгазета “Нуклеус”, свой печатный орган. На археологическом языке это название означало “ядро”. Оформляли газету Гречухин и его будущая жена Римма Николаевна. Размер был огромный – в два стола. Заметки писались от руки. С первых же дней выхода “Нуклеуса” расширялся круг авторов. Вначале было пятнадцать корреспондентов, затем двадцать. Римма Николаевна выполняла небольшой, но ответственный фронт работы – чертила на бумаге большой заголовок, разграфляла полосы. Остальное – дело ребячьих рук. Они приносили Гречухину заметки, статьи, рисунки. Он исправлял ошибки и отдавал материалы в печать. Корреспонденты старательно красивым почерком переносили заметку с тетрадного листа на лист ватмана.

О чем только не писала стенгазета! Про поиски кладов и экспедиции на волжские берега, про монеты и ружья... Рассказывала о людях, которые дарили им редкие вещи. Но чаще всего мальчишки передавали свои впечатления о том, что они делают в музее. Краеведческое дело так захватило их, что они делились с читателями самыми сокровенными своими мыслями и чувствами.

При музее появился кружок. Первое направление его деятельности – археология. Чтобы вести грамотно поиск сокровищ, спрятанных в земле, чтобы знать эпоху, назначение предмета, его хозяина, нужны знания. Кружок расширял кругозор ребят, звал их в библиотеку... Столько книг было перечитано! Вначале главным книголюбом был сам Гречухин, затем втянулись и ребята. Книжные знания тут же подкреплялись практическими занятиями, поисками и изучением обнаруженных на берегу Волги материальных остатков жизни и деятельности древнего человека.

За археологическим кружком последовал этнографический... Следом – антикварный. Музейное дело, кружковые занятия увеличивали армию краеведов. В ней состояло уже тридцать человек. Мальчишеская республика нуждалась в хорошем помещении. Но вместо нового здания чиновники предложили краеведам освободить и ту маленькую комнату, которая была у них. Для переселения предложили... кладбищенскую церковь.

Краеведы – люди исполнительные. Музейные экспонаты быстро перекочевали в здание полуразрушенного храма, где временно размещался районный архив.

Архив выехал. Раздалась команда из райисполкома – и помещение опустело. Счастливые мальчишки сидели на ступеньках кладбищенской церкви и радовались тому, что они – хозяева этого сокровища.

– Мы теперь богаче всех, – говорили одни.

– Мы беднее всех, – не соглашались другие и объясняли: – Церковь настолько разрушена, что нам её долго придётся восстанавливать.

Обследование здания обескуражило: дыры зияли не только в крыше, но и в стенах. На месте двери оказался большой проем, да такой широкий, что в него с улицы мог въехать мотоцикл. Часть проема была заколочена тесом. В колокольне нет ни одного перекрытия. От ветра на крыше гремело рваное железо. Мальчишки десятки раз обходили церковь то с одной стороны, то с другой. Примеривались к работе: и доски в полу заменить, и крышу починить – всё можно, только нужен стройматериал.

Снова Гречухин отправился в райисполком. Не за себя хлопотал, за ребята дело. Не технику просил и даже не деньги... Нужен был лишь строительный материал: немножко песка, цемента, досок и кирпича. А ремонт ребята сделали бы собственными руками.

Тихомиров не отказал, однако и не пообещал, что поможет.

Но мир не без добрых людей. В приемной председателя райисполкома Гречухина остановила знакомая женщина – председатель сельпо Александра Михайловна Логинова. Она слышала разговор о ремонте и спросила краеведа:

– Володя, тебе что надо?

– Кирпич и цемент, – грустно отозвался он.

– Машина цемента устроит? – наседала Логинова.

– Да!

– Всё, сегодня привезут. Я решу.

Председатель райисполкома сурово посмотрел на председателя сельпо. Та не растерялась и одарила его уничтожающим взглядом.

– Это же молодежь, ребята! – взволнованно сказала она.

Машина цемента очень помогла молодым неопытным строителям. С ее появлением открылся фронт работ. В центре города ребята обнаружили старый домишко, приговоренный к сносу. Его доски тут же пошли на восстановление опалубки церковной крыши. Кровельный материал выпросили в школе. Там как раз на хозяйственном сарае заменяли крышу: жсть – на шифер. Мальчишки выбрали листы железа, что получше, и на носилках перетаскали к церкви. Часть железа дали коммунальщики. У них тоже шел ремонт, и вывободилось старое полотно. Профессию кровельщика грамотно освоили девятиклассники Юра Чернышев, Николай Смирнов и Борис Богомолов. Они за пять дней восстановили всю кровлю. При первом же дожде крыша выдержала экзамен.

На самых опасных участках работал Гречухин. Ему и трещины в стене пришлось заделывать, и пролом, идущий сквозь стену алтаря, кирпичом закладывать. Кладку всюду он делал сам. Пригодился опыт работы в армии, на комсомольской стройке. Ему же пришлось перебирать на чердаке печную трубу.

Это было первое в жизни Гречухина спасенное, отреставрированное им здание. В разбитых окнах появились стекла. Их тоже не покупали в магазине: разбитые лоскутки собирали по стройкам. Потому и окна выглядели, будто витражи, только не раскрашенные. Еще остекленные окна напоминали прозрачные лоскутные одеяла.

Два года у Гречухина и его команды ушло на ремонт здания. Два года усиленной, тяжелой, изнурительной работы. Она закалила ребят, объединила их, что самое важное, доказала их силу, целеустремленность, живучесть. Мальчишки поняли: они могут многое, главное – хотеть, стремиться, создавать и делать всё сообща. Но Гречухин видел в пройденной школе выучки, строительного мастерства и другие уроки. Музей был сделан руками ребят, и они теперь относились к нему как к своему детищу, он стал для них родным и нужным. Никто так не берег свой дом, как берегли его они. И тут ожидания создателя музея полностью оправдались.

* * *

Извечное правило Гречухина: правда конкретного дела благороднее, нужнее, чем умные и полезные рассуждения о том, как и что нужно сделать. Созданный трудами краеведов музей лучше, чем печаль об исчезновении предметов старины. Осмысленная, изданная книга глубже развивает интерес к истории, чем просмотренная серия передач по телевидению. Не следует ждать от высокопоставленных чиновников напрасных и долгих обещаний о приведении в порядок памятников архитектуры, истоптанных могил великих предков, дворянских усадеб, куда надежнее и вернее сделать все это самому.

В наступившие ныне времена повальной моды на православие Владимир Гречухин предпочел не философствовать о смысле веры, не витийствовать по поводу того, кто сегодня более духовен и набожен, а вспомнил свою первую профессию каменщика, взял мастерок и пошел класть кирпичи на стенах разрушенных церквей. Вера без дел мертва. Истина эта известна многим, да не все следуют ей. Большинство предпочитает жить советами да критикой.

Первым мостом сотрудничества между Мышкинским краеведческим музеем и церковью стали Кассиановские чтения. А строительство нового храма в селе Учма определило начало реставрационной деятельности. В XV веке отсюда, с тихой волжской пустоши, пошла слава праведника Кассиана, урожденного византийского князя Константина Макнувского. Ему суждено было пережить утрату отечества, бегство от турок, многочисленные странствия. Став участником заочного обручения в Риме греческой принцессы Софьи Палеолог и московского государя Ивана III, он прибыл в поезде невесты, как ее приближенный, в Москву. На русской земле ему довелось стать боярином ростовского архиепископа, совершить монашеский постриг. Поскольку монастырь в Учме, помнящий Кассиана, был взорван во времена гонений на церковь и от него не осталось кирпича на кирпиче, то Владимир Гречухин выступил с идеей поставить в том селе памятную часовню.

Храм в Учме должен быть еще и потому, что среди монастырских развалин, под спудом самой старейшей церкви сохранились мощи святого Кассиана. Разорить могилу и надругаться над мощами не дала страстно верующая крестьянка Надежда Вандышева, закрывшая могилу телом и сказавшая, что даже угроза смерти не заставит ее уступить безбожникам. Смутьившись, зная, как местный люд почитает Кассиана, они разорили лишь надземную часть гробницы и увезли с собой дорогую раку. Слава Кассиана не умерла и по сей день. Наоборот, после краеведческих научных конференций она оживилась. А желание местного жителя, лесника и краеведа Василия Гурьевича Смирнова помочь срубить часовню ускорило дело.

Мечта Гречухина, чтобы в Учме появился храм, вскоре сбылась. Храм Анастасии и Кассиана поднялся к небу, в нём начались церковные службы, зазвучал голос священника. Большую лепту в финансирование строительных работ внес живущий в Италии художник Петр Сергеевич Чахотин. Побывав на волжской стороне, хранящей память о кассиановских временах, он вознамерился упредить ее, так как Кассиан жил в Италии и оттуда пришел на Русь.

Над Кассиановым островом возвысился памятный крест. Стараниями Василия Смирнова здешняя земля обрела свой краеведческий музей. Вокруг

музея собрались памятники былого крестьянского умения и таланта – житница, часовня, баня, мельничные жернова.

К маленькому храму со светлыми бревенчатыми стенами потянулись люди, двинулись крестным ходом. Над их головамиплыли иконы и красивый крест. Среди белого дня по живописным лугам разнеслось древнее песнопение. Греческое молитвословие исполнял угличский духовный хор.

Благодатный, волнующий огонь свечей надолго оживил печальные сельские уголки Учмы.

Теперь путь краеведов пролег в Малое Богородское. Там была родина святого Паисия, друга и единомышленника Кассиана. Гречухин почитал и того, и другого. Собирал в архивах и библиотеках документальный материал о жизни и деяниях великих земляков. Намеревался написать книгу. Уж очень значимыми для судеб России были их дела. Да и сам XV век, так крепко заинтересовавший краеведа, отмечен историей как золотое время русского государства, в котором шло собиранье русских земель, происходил его духовный и культурный расцвет. Паисий и Кассиан вывели Гречухина на одну из самых ярчайших и загадочных фигур XV века – удельного князя Углицкого Андрея Большого, или просто Андрея Углицкого. Разысканные Гречухиным летописи и документы влюбили его в трех героев будущей книги – Андрея Углицкого, Паисия Углицкого и Учемского и Кассиана. Он рвался к письменному столу, чтобы осмыслить роль и место великих земляков, ставших друзьями и единомышленниками, в золотом веке Руси. Но его ждал разрушенный храм.

Земля Паисия встретила краеведов разорением и запустением. Но Гречухина трудно испугать и удивить. Подвижники знают пословицу, гласящую: “Глаза боятся, а руки делают”. В несуетную минуту раздумий он обратился к Паисию: “Надоумь, Святой Паисий, с чего нам начинать?”. Если молитвеннику удалось в свои шестьдесят четыре года возвести великую обитель, то молодым краеведам ничего не стоит расчистить родники веры.

Краеведы взялись облагораживать кладбище, могилу Иоанна и Ксении, родителей Паисия, пруд. Убрали хлам, выкорчевали бурелом, выпилили сухие деревья, вывезли развалы устаревшего и ломаного кирпича. Затем принялись за благоустройство заброшенного колодца Паисия. Он находился внизу, в распадке. Сруб зарос травой, почти вровень сросся с землей. Последним радетелем, чинившим его, был крестьянин Рыбаков из деревни Федорково. Гречухин слышал о том, что водица колодца помогла получить крестьянину облегчение от нездоровья. Краеведы сколотили лестницу, набили перила. Рядом водрузили огромный поклонный крест. Не забыли настелить пешеходные мостики через сырое место, соорудить и поставить скамейки. Работали до седьмого пота. И за одно лето родные палестины Святого Паисия было не узнать. Путники легко могли спуститься к колодчику, испить чистой водицы, могли пройти на кладбище, поклониться праху родителей Паисия.

На субботах и воскресниках трудилось пятнадцать человек. Даже лесник из далекого села Учма Василий Смирнов приезжал поучаствовать в благородном деле. Он полагал и говорил не раз об этом Гречухину, что раз мышкинцы помогли его селу установить часовню, и раз Кассиан дружил с Паисием, и они были единомышленниками, то он не может остаться в стороне.

Походный лагерь разместился прямо на лугу. Пока сноровистые хозяйки стряпали на костре обед, мужчины, разбившись на две бригады, делали в колокольне потолок, убрали территорию возле храма, благоустраивали подходы-подъезды к нему.

В ходе восстановительных работ Гречухин преследовал еще одну тайную цель. Малое Богородское считалось не только родной землей Святого Паисия, но и землей потомков знаменитого Тютчевского рода. Но там сельских жителей почти нет. Село вымерло. Продолжалась жизнь лишь в рядом стоящем селе Большое Богородское. Гречухин начал возрождение кладбища, колодца и храма в соседнем погибшем селе, пытаясь раскатать сельский мир в округе. В Большом Богородском был дивной красоты храм Святого Духа. Но его тоже постигла участь разорения. Возрождать святыню следовало самим сельчанам, больше не на кого надеяться.

Жители Большого Богородского узнавали все новости о ходе работ. Но несмотря на малое расстояние, а между селами было два с небольшим километра, никто из крестьян не спешил придти не то чтобы на подмогу, но и на смотрины. Хотя спрашивать спрашивали. Каждый день интересовались, что

там, у Паисия, происходит. У Паисия – значит, в Малом Богородском. Эта привычка так говорить выработалась с дореволюционных времен. Местные крестьяне почитали Святого Паисия. Через неделю к храму подкатил первый трактор, потом мотоцикл... Любопытство взяло верх. Наконец-то краеведы встретили сочувствие и понимание. А вскоре приехал мышкинский благочинный отец Александр, и реставраторы получили благословение на праведные труды.

Откликнулась на негласный зов краеведов двоюродная сестра Гречухина, бывшая учительница Лидия Александровна Смирнова. Она приезжала из Большого Богородского к разрушенному храму на велосипеде. Получала у ребят наряд на работу и тут же превращалась в реставратора.

В дело включилась даже местная старая коммунистка Жигарева.

Она пошла по деревне.

– Давайте восстанавливать храм, – убеждала она одних и других. – Я коммунистка, в Бога не верю. Но если людям это надо, значит, надо и мне... Если повсюду церкви восстанавливают, и вера благотворно влияет на людей, то давайте и мы восстанавливать храм. Без идеологии обществу нельзя. Ребята из мышкинского музея работают сейчас на храме Паисия, возьмем с них пример.

– А что у Паисия делать? – поначалу заворчали самые ленивые и неразворотливые. – Это две версты с лишком. Там никто не живет. Это бесполезное дело.

– Давайте поможем им, а они потом нам, – наседала на односельчан коммунистка.

– Попробовать можно...

Она подняла народ. На субботники вышли стар и млад. Краеведы давно не видели такого людского муравейника, снующего вокруг разрушенного храма. Они прибрали территорию, сравняли бугры, вырубил кустарник. И главное, помогли Гречухину выложить из кирпича стену в крепко пострадавшей колокольне. Недавнее запустение и хаос отступили. Крестьяне ликовали, когда увидели плод своего совместного с краеведами благородного труда. Храм был возвращен к жизни.

– Теперь, Владимир Александрович, мы переключаемся на наш храм, – сказала Гречухину старая женщина. – На церковь Святого Духа.

– Правильно, – поддержал ее Гречухин. – Она же у вас рядом. Будет теперь где крестить людей, венчать, отпевать.

– Ты все правильно понял. Только вот видишь, Владимир Александрович, какое тут дело... Кладки порушенной, кирпичной там очень много.

– Знаю.

– Как быть-то?

– Я каменщик, – сказал Гречухин. – На меня и рассчитывайте. А эти ребята придут со мной. Мы все к вам приедем.

– Но там, знаешь, работы много-много.

– Я каменщик не первого разряда, а всего-навсего третьего, но такую простую работу, как там, всю сделаю.

– Работы там на все лето.

– Сколько надо, столько буду работать.

Краеведы не подвели жителей села Большое Богородское, по первому их зову сели на машину и приехали на подмогу.

Церковь пугала запустением. Из стен торчали гигантские обломки балок. На крыше росли березы и чахлый кустарник. Кругом лежали груды мусора. Но вскоре картина изменилась. Сельчане вытащили все гнилушки из помещения церкви. День за днем вывозили из него кирпичные осколки, птичий помет, доски, банки, осыпавшуюся штукатурку. Вычистили храм от рухнувшей крыши. Шестьдесят человек трудились с утра до вечера в завидном крепком единстве. Гудели трактора. Мелькали в руках людей ведра, тазы, корыта с землей. И территория вокруг израненного храма резко изменилась.

Наступила самая ответственная пора – кладка кирпича. Ее поручено было делать Владимиру Гречухину. И он смело взялся за дело. Мозолистые руки еще помнили кладку на храме Паисия. Но здесь работы было гораздо больше.

Около месяца у него ушло на то, чтобы всю кладку восстановить полностью. Старые, треснутые и побитые кирпичи краеведы тихонечко сняли. Верхнюю связку стен из четырех рядов разобрали всю, так как она одряхлела. От

прежних перекрытий остались лишь обломки. Их тоже аккуратно демонтировали. В алтаре пришлось разобрать свод. Он заметно падал, опускался к низу. Теперь необходима была новая обвязка. Пострадали от времени, непогоды и человеческого варварства все окна. Потому под окошками краеведы выбрали всю труху. Кладка была обновлена полностью.

Много времени ушло у Гречухина на восстановление алтаря, которому крепко досталось от атеистов. . . Он был разрушен от пола и до самого верха. Гречухину пришлось одну часть стены выложить заново, а вторую обвязать. С обвязкой вышла заминка. По большому счету, вторую стену следовало всю разбирать. Кладка на ней хоть и крепко, плотно выглядела, но все-таки обветшала. Чтобы она увереннее стояла, Гречухин предложил не тратить два месяца на её разборку, а обвязать поясом, накладкой. Стена спокойно простоят еще сотню лет, выступающую наружу накладку все равно скроет иконостас. Так и сделали.

Успел Гречухин выложить из кирпича и тумбочки под полы. Но на этом этапе у сельчан закончились кирпичи. Не было у них и досок для настилки пола.

– Мы тут без вас пока поработаем, – сказала Жигарева. – А вы поезжайте домой, отдохните. Мы вам скажем, когда достанем кирпич.

В который раз Гречухин отметил про себя, что в том мышкинском углу, где они работали, люди живут особые. Лучшие во всем районе. Там больше всего сохранилось деревень и сел. Крестьяне оттуда не бегут. Живут тихо, спокойно, по-доброму, помогая друг другу. Семейственность сохранилась там во многих домах. Гречухин их знает, дорожит общением с ними. В остальных деревнях уже размыта культура дома, культура человеческих отношений. А там – нет. Есть основа – прочная, надежная. Есть председатель колхоза – стоящий хозяин, самостоятельный, думающий. Еще бы такого же замечательного, активного председателя сельского Совета!

После того как краеведы и жители села расчистили храм, прошло около двух недель. И тут в музее Гречухина раздался долгожданный звонок.

– Каменщики нужны, – услышал он знакомый голос коммунистки Жигаревой.

– Материал купили?

– Купили. Мы уже и правительство здесь создали народное. Всем миром решено поднимать храм.

– Какое правительство?

– Приедете – узнаете. О питании не беспокойтесь. Ничего не берите.

– Как так без еды? Мы же недели на две едем, не меньше, с ночлегом. . .

– Не беспокойтесь, пожалуйста.

– Ну, котелки, ведра мы все же возьмем.

– Это берите. Поварихи пусть будут ваши.

Народное правительство просуществовало в Большом Богородском два с лишним года. Возглавлял его триумvirат – Клавдия Михайловна Жигарева, бывшая учительница Лидия Александровна Смирнова и председатель колхоза “Новая жизнь” Алексей Александрович Плотников.

Гречухин познакомился с членами правительства, выслушал их предложения, советы, планы. При всем том, что он многое в жизни уже повидал, сам возглавлял мальчишескую республику краеведов-музейщиков, но с правительством в отдельном селе сталкивался впервые. Тем более, в задачу правительства входило одно-единственное дело – поднять из руин и разрухи храм предков.

Народное правительство с таким вдохновением и с такой силой включилось в работу, будто местного сельского Совета вроде как и не было на свете. Не исходило от чиновников ни единой инициативы. А правительство тут же ввело самообложение. Прошлое по селу и окрестным деревням и собрало деньги. Каждая семья жертвовала столько, сколько могла. “Собираем на церковь!” – то и дело раздавался по округе их призыв. Установили и очередность работ. За каждым домом, улицей, деревней закреплялся определенный фронт деятельности. График был составлен четкий, согласованный со всеми односельчанами. Такой подход к делу растрогал Гречухина.

Еще больше тронула его сердце очередность кормления десяти мышкинских добровольцев-краеведов, прибывших в село.

Они приехали на двух машинах. Захватили с собой строительный материал. Знали: пригодится, его всегда не хватает. Купили и доски, и цемент на

музейные деньги. В который раз касса краеведческого музея расходовалась не на собственные нужды. Кое-какой материал, инструменты, палатки взяли из кладовой музея.

В первый же день краеведы познакомились со строгим графиком кормления работающих. Забота о них была продумана до мелочей. В магазине стоял особый стол. Каждый день на него несли и выкладывали домашнюю снедь те, кто должен был кормить бригаду. Краеведы видели, как четко исполнялся график. Один нес молоко, другой – сметану, третий – яйца, четвертый – капусту. Затем вся еда загружалась в фургон и доставлялась в лагерь. Спиртное исключалось. Все считали, что оно недопустимо при восстановлении храма, дело-то святое.

Члены народного правительства следили за тем, чтобы мышкинских краеведов кормили хорошо. “Ты корми мужиков-то, чтобы они работали!” – командовала коммунистка Жигарева.

По вечерам забота о тружениках продолжалась. Только краеведы приступали к чаепитию, как со стороны деревни появлялись женщины. Они несли печенье, мед, домашние пироги. Выпечка жгла руки, ибо ее только-только достали из печи. А мед иной раз приносили прямо в сотах. Объединение! Ребята давно такого не ели.

Случались и забавные случаи. Один мужчина не успел доставить к столу бутылку молока. Так он вечером притащил ее к лагерю. Гречухин в тот день припозднился с работой, сидел на верхней стене храма, клал кирпич за кирпичом и вдруг смотрит, кто-то продирается сквозь кусты... Оказалось, мужик возвращает долг. Полчаса извинялся перед поварихой: “Извини, хозяйка, опоздал!”.

Реставрировать храм приходили и местные детишки. Приходили оравой, человек тридцать. Трудились великолепно, без подсказок и окриков. Гречухин неустанно хвалил их. А они еще больше старались. Взрослые не успевали выносить битый кирпич и землю из помещения на улицу, как они тут же убирали весь хлам от церкви. Уносили кучу за кучей, и все бегом, бегом. Помогали они и Гречухину на кладке кирпича. Поднимали наверх, укладывали стопкой, подносили к мастеру. Порой Гречухин так изматывался от задаваемого мальчишками темпа работы, что просил роздыха.

Известие о реставрации храма хоть и давно пронеслось по округе, но не все сразу смогли приехать и включиться в работу. Между тем некоторые дальние деревни, узнав о необычном строительстве, присылали гонцов, другие, узнав новость, тут же рвались в дело.

Мужики из деревни Толпыгино пришли с обидой. Гречухин не без улыбки выслушивал их наивные претензии.

– А вы чего, нас чужими считаете, что ли? Да?! Мы же придем и сделаем все, что скажете. Мы просто не знали.

– Мы не обижаемся на вас, – замечал Гречухин. – Мы знаем, ваша деревня стоит в стороне, далеко, крайняя. Сколько вас придет на работу?

– Когда?

– Завтра.

– Семь человек.

– Точно? Смотрите, мужики... У нас сейчас кирпича не хватает. Идите завтра с утра вон к тому старому зданию школы. Видите, она на опушке стоит. Она брошена давно. Там остались печи. Надо печи за два дня разобрать, очистить кирпичи от глины, ошталебовать.

– Хорошо, будет сделано.

Утром на старой школе клубилась пыль: мужики сноровисто разбирали печи. А у Гречухина уже заканчивался кирпич. Он пускал в ход, особенно на забутовку, битый кирпич. Вскоре и бой подошел к концу. И тут подоспел кирпич со школы.

Дух народного подъема Гречухин сравнивал со временем Минина и Пожарского. Народному правительству беспрекословно подчинялись не только механизаторы и пенсионеры, но и сельсовет. Люди с готовностью шли на любое дело – подвозить песок, рыть отводные каналы, укладывать трубы, валить лес, везти его на пилораму, разделять бревна на тес и брус. Работа кипела так энергично, что люди не заметили, как у храма почти на метр срезали нарощую за столетие землю. Из разных деревень неустанно шли посланцы за трудовыми заданиями. Им давали наряд, через два-три дня они уже спешили отчитаться о его выполнении.

Среди тружеников-новобранцев появлялись самые неожиданные люди. В одной мышкинской семье, включившейся в кипучую деятельность, Гречухин узнал знакомых... Это известный московский скульптор В. Ф. Шухов привез на машине свою семью. Им тоже захотелось отдать дань уважения Святому Паисию.

Гречухин с гордостью наблюдал за работой коллег-краеведов. Николай Александрович Кирюшин был начальником раствороно-бетонного узла. Под его руководством бетон поступал быстро, без задержки. Василий Гурьевич Смирнов дирижировал конвейером. Этот живой конвейер, подающий Гречухину кирпичи, работал без устали. Просил отдыха лишь один человек – каменщик. Спина Гречухина отказывалась разгибаться. Но так как он не мог остановить конвейер, то ему приходилось класть кирпичи на цемент, согнувшись в дугу. А конвейер передавал по рукам и дальше кирпичи сплошной, непрерывной лентой... Гречухин упирался рукой в стену, низко наклонялся и оттого еще быстрее уставал, выдыхался. Просил отдыха. А сподвижники не давали. У них замесы цемента шли и шли. Кирюшин уже в два корыта делал раствор.

Гречухин положил последний кирпич, тяжело вздохнул, осмотрел село сверху и подумал о том, что всё в этой жизни возвращается к истокам. Если деды жили по вере, придерживались традиций, доставшихся им по наследству, то и теперешний народ должен быть продолжателем их дела.

Краеведы прошлись по селу, посмотрели со стороны на церковь... Кажется, все сделано хорошо, надежно. Скоро можно и на церковную службу приезжать. Осталось сделать полы, навесить двери, установить иконостас и крест на колокольню. Члены народного правительства опять обратились к односельчанам за деньгами. И опять никто не отказал, не поспешил, все крестьяне выделили из скудных семейных бюджетов посильные средства. Подключилась и муниципальная власть. Глава города Иван Анатольевич Герасимов изыскал сорок тысяч рублей. Лидия Александровна Смирнова поехала в Углич и упросила там директора экспериментального машиностроительного завода молочной промышленности сделать из нержавеющей металла крест на церковную колокольню. Лесхоз бесплатно предоставил лес. Пришлось и краеведам опять выступать в роли помощников. Выехали они в тверской лес, заготовили бревен, распилили их, привезли к храму. На подъем и установку тяжелых балок перекрытий позвали механизаторов из колхозной мастерской.

В тот день Гречухин осмелился обратиться к народному правительству со своим предложением. Ему нужно было продолжить реставрацию храма Паисия.

— Если вы нам немножко поможете с материалами, то мы вас отвлекать не будем, — сказал он. — Сами завершим там работу. Нам торопиться некуда. Потому что храм Паисия будет служить раз в год — на Паисьев день. Половина здания сделана. Вы видели. Покрыта половина крыши, установлена глава. Осталось доделать крышу и настелить полы. Кирпича мы не просим. Он там есть. Старый, от колокольни остался. Мы полы кирпичами выложим, в елку. А вот теса у нас нет. Помогите.

Сельчане дали слово, что обязательно помогут. Доведут храм до открытия, а там переключатся и на храм Паисия. Тем более, там работы осталось на несколько дней.

Вскоре наступил самый ответственный момент для жителей села Большое Богородское — официальное открытие храма. Члены народного правительства отправились дружно, втроем, в Ярославль, в епархиальное управление. Их принял сам архиепископ Ярославский и Ростовский владыка Кирилл. Он поддержал инициативу сельчан, пообещал прислать священника. И главное, сказал, что приедет сам освящать храм.

Слово владыка Кирилл сдержал. На освящение храма Святого Духа он приехал не один, а вместе с гостем епархии — архиепископом Бакинским и Прикаспийским Александром. Он родился на ярославской земле и потому пожелал поучаствовать в открытии возрожденного храма. С ними приехали священники со всего ярославского междуречья Волги и Рыбинского водохранилища, от Углича до Рыбинска и Брейтова. Выполнил обещание и губернатор области — проложил дорогу от Большого Богородского до восстановленного храма.

Мышкинские краеведы подготовились к открытию загодя. Они посчитали, что лучшего подарка, чем икона святого Паисия, не может быть. Заказ раз-

местили в Ярославле. И Гречухин с волнением ждал часа, когда передаст знаковый подарок церкви и перед иконой зажжет свечу.

Храм открывали всем крестьянским миром...

О том светлом и праздничном дне Гречухин напишет в очерке "Паисьев ключик" слова, поселившиеся в его душе навсегда:

"Владыку и его гостей умилил маленький храм, где все так откровенно и уютно. А в окошки просияло солнышко, которого не было с утра. "Паисий радуется!" – заговорили богомольцы.

Веселая красочная прелесть новенького иконостаса... Приятная миниатюрность царских врат... Легкий аромат соснового дерева, воска, кадильного дыма... Праздничное многоцветие священнических облачений... И блеск, и искры от богато украшенных облачений, и два владычных посоха, стоящие с обеих сторон царских врат... И, словно могучее ровное течение, идет торжественная владычная служба...

Поскольку возродившийся храм невелик, люди постоянно меняются: то участвуют в службе, то выходят на улицу для беседы. Говорят о многом. О великом диве приезда двух владык. О дорогом подарке губернатора – новой дороге. О скромном, но надобном подарке Народного музея – новой иконе святого Паисия, что была ко времени заказана в Ярославле. И вот сегодня она уже здесь и участвует в службе. О великодушных делах славных жестянщиков братьев Богословов (а они сегодня здесь на службе!).

И снова, снова менялся народ в храме и на улице. И много было хороших мыслей и откровенных слов. И много было трогательного. А когда крестный ход двинулся вокруг храма, то чтимые кресты и иконы понесли плотники, так славно поработавшие в церкви. Мужики, еще вчера трудившиеся здесь, торжественно выступали теперь во главе владычного крестного хода".

Пожелали владыки посмотреть и Паисьев храм. Поехали в Малое Богородское. На горе вышли из машин и, оглянувшись на окрестности, подивились красоте здешних мест. В сопровождении молитвы, исполняемой хором священников, они побывали в храме, на могиле родителей Паисия. Теплая беседа и воспоминания собравшихся богомольцев открыли владыкам тайны здешнего прихода. С давних времен в сердцах и душах паисьевцев жило особое почитание святого. Строить храм помогал сельчанам известный архитектор Андрей Михайлович Достоевский, брат великого русского писателя. Еще одна каменная церковь построена была здесь на средства здешнего крестьянина Потапа Дмитриевича Шершнева, уехавшего до революции в Санкт-Петербург на заработки. Ему удалось открыть там суконную мастерскую, нажить хороший капитал. И любовь к родному месту вылилась у него в желание построить храм. В сегодняшнее время пример духовного возрождения подал Гречухин со своими друзьями-краеведами. Это из-под их рук выбился и засверкал холодной, живительной водой Паисьев источник. Их руками водружены на храм балки и стропила, покрыта крыша и поправлены стены.

Гречухинские краеведы подняли и понесли крест преподобных Паисия и Кассиана. Даже когда у основной части бригады не нашлось времени и желания довести благое дело до конца и усталая душа требовала отдыха от напряженного и бесплатного труда, они не впали в гнев и апатию. Огонь созидания горел с прежней силой. Беспокоил лишь один вопрос: а не падет ли храм когда-нибудь под ударами нового людского вандализма?

Духовные подвиги Паисия и Кассиана вразумили и подарили Гречухину счастливые дни написания им исторической книги "Лики четвертого Рима". Она вышла мизерным тиражом в одном из издательств города Ярославля. Но в научной среде книга имела широкий резонанс. Доктор исторических наук А. А. Севастьянова в предисловии писала: "В. А. Гречухин пишет в уникальных ориентирах: совпадают место, исторические лица, история края описываемого и описывающего. На страницах книги оживает земля, частью которой является сам автор, – это его место, его родная сторона, где он знает все. Он неотъемлемая реальность верхневолжской Ярославщины, неутомимый восстановитель мышкинского культурного гнезда, создатель музея, за плечами которого опыт долгих лет глубокого осмысления происходящего вокруг, в истории и повседневной жизни конкретной российской провинции".

Сам Гречухин оценивает книгу, как главную творческую и научную удачу... Это годы архивных изысканий, тысячи километров научных экспедиций по северным монастырям и музеям, множество изученных летописей. Среди

его десятка книг и учебников, посвященных подвижникам и просветителям местного края, он поставил ее в особый ряд, ибо считает итогом краеведческой деятельности. Герои её – известные исторические личности: удельный князь Андрей Углицкий, святой Паисий и Кассиан Углицкий и Учемский. И основное место действия, как правильно указывает историк Севастьянова, – это угличская земля вместе с древними мышкинскими поселениями.

В грозное время княжеской раздробленности продолжателем дела Дмитрия Донского, укрепляющего державный порядок, Владимир Гречухин видит князя Андрея Углицкого. Не сына князя-победителя, не Дмитрия Шемяку, не Василия Косого, а именно Андрея Углицкого. В этом удельном князе краевед разглядел политика преемственности твердой власти, власти, соединенной с нравственностью и совестью. Именно он искал справедливого государственного устройства и справедливой правительственной морали. А монаха Паисия, духовника князя Андрея Углицкого, он называет верхневолжским Сергием Радонежским.

Неуёмная подвижническая деятельность, сила и мудрость князя сделали Угличское княжество вторым после Москвы центром культурной и духовной жизни Руси. Сюда войной против Дмитрия Шемяки придут московские войска и разорят город. Здесь первые полгода после ослепления проживет в укрятин великий князь Василий II Темный. На эту вольную и древнюю землю жалко и продолжительно долго будет смотреть великий князь Московский Иван III.

Гречухин, прослеживая противостояние двух сильных и талантливых князей, двух братьев – уездного князя Андрея и великого князя Московского Ивана III, не понимает и осуждает высокомерные поступки Москвы. Возвышение стольного града не должно строиться на несправедливости и попрании морали и гуманизма. Незачем было Ивану III ослеплять и подвергать опале лучших воевод, таких героев побед над татарами, героев междоусобных битв, каким был удалой и талантливый воевода Федор Басенок. Незачем было князю прибегать к показательным, повторным погромам, похожим на глумливое и горделивое мщение, коим подвергнут был уже опустевший и покоренный город Тверь. Разгромлен Новгород. И опять неотвратимые казни, и даже владыку Феодила сажает в тюрьму, где он через три года умирает от невыносимых страданий. Москва взламывала ворота городов... Но печаль Гречухина в ином: почему Москва высокомерствует над побежденными, и князь вместо великодушия проявляет неблагое задатки?!

Гречухин, оценивая процесс создания Иваном III мощного государства, прослеживая все грандиозные дела и проступки московского правителя, делает неожиданный вывод: да, князю удалось создать государство, но не удалось создать в нём Человека. Гречухин не терпит, когда борьба вытесняет цену человеческой жизни и ведет к бесконечному истреблению друг друга, когда мир тонет в холопстве и неспособности оценить свободную творческую личность.

Книга Гречухина “Лики четвертого Рима” заканчивается глубокомысленным риторическим рассуждением автора: стоять ли России на правде? Он и читателей призывает задаться этим вопросом.

...Через год архиепископ Ярославский и Ростовский владыка Кирилл снова пожаловал в мышкинские края. Решил еще раз провести в возрожденном храме службу, поддержать сельчан, вернувшихся к вере предков. Было это на Паисьев день.

Гречухин знал, что владыка Кирилл едет служить в храм села Большое Богородское. Он встретил его на переправе через реку Волгу. Так вышло, что именно в этот день из Москвы приехала первая паломническая делегация, пожелавшая познакомиться с землей святого Паисия, и Гречухин вынужден был не только ее встретить, но и сопроводить. Потому первыми его словами при встрече с архиепископом Ярославским и Ростовским владыкой Кириллом были извинения.

– Высокочтимый владыка, – обратился к нему Гречухин. – Примите мои извинения и уверения, что я по невиновности своей не буду в начале службы. Я еду в Углич встречать первую паломническую группу – к святому Паисию. Я поведу ее туда, на его родину.

– А потом-то будете? – спросил владыка Кирилл.

– Буду.

– Надо быть, – утвердительно сказал владыка. – Я говорю: вам надо быть в храме.

– Как же не понимать, владыка... Обязательно приду.

Не знал и не ведал Гречухин, что слова владыки имели глубокий смысл, а в храме его ждал сюрприз.

Он привез на родину святого Паисия полный автобус паломников. Они были действительно самими первыми гостями, прибывшими в далекий сельский угол. Для жителей забытого села это было очередное радостное событие. Вначале был один праздник – соборное участие большого количества селян в восстановлении разрушенной церкви. Затем другой – приезд архиепископа Ярославского и Ростовского владыки Кирилла, освящение храма, служба. И все эти радостные дни подарил любимому селу краевед Владимир Гречухин. В душах крестьян поселилось счастье оттого, что их село вернулось к интересной жизни, что теперь о нем знают в области, и в здешний храм проторена первая паломническая тропинка. В недалеком будущем по ней придут к храму паломники из Крыма, из города Мангупа, где в пещерных церквях создались два скита, посвященных Кассиану, откуда, оказывается, начинался жизненный путь Кассиана Мангупского и Учемского.

В конце церковной службы жители села и паломники подошли к владыке Кириллу. Он благословил их и затем произнес неожиданные слова:

– А теперь я объявляю вам о событии, которое украсит сегодняшний день. За многолетние труды на благо возрождения духовности патриарх Московский и вся Руси Алексей II награждает Владимира Александровича Гречухина орденом преподобного Сергия Радонежского третьей степени...

Гречухин плохо слышал остальные слова. Глаза застили слезы. Для него это была первая серьезная награда, признание его заслуг.

Мирыне долго рукоплескали в храме Гречухину. Теперь радостное событие коснулось его, краеведа, подвижника. Он быстро пришел в себя, принял из рук владыки Кирилла святой орден и произнес трогательные слова благодарности.

В день святого Паисия жители села Большое Богородское чествовали своего героя. А он с душевной теплотой, с любовью смотрел на них и думал о том, что в России наступили неплохие времена, раз члены народного правительства могут, как когда-то Минин и Пожарский, собрать народ и вывести его на великое, спасительное дело.